

и друзья жениха и невесты постарались сделать все, чтобы справить ее попышнее. В этот день в деревню прибыли два монаха, которым подали ужин в отведенной им комнате, ибо присутствовать на свадьбе лицам их положения не подобало. Но старший из монахов, который был похрабрее и похитрее другого, решил, что, раз его не допустили к свадебному столу, он пристроится к брачному ложу и сыграет с ними хорошую шутку. И когда настал вечер и начались танцы, монах этот долгое время глядел в окно на молодую, которая ему показалась очень красивой. И, осторожно осведомившись у служанок, в какой комнате она будет спать, обнаружил, что комната эта расположена рядом с той, которую отвели им. Монах очень обрадовался и, начав караулить у окна, ожидая подходящей минуты, чтобы привести в исполнение свой замысел, увидел, как молодая улеглась спать, снял свою серую рясу и занял подле нее место мужа. Но, боясь, как бы его там не обнаружили, оставался очень недолго и вышел в коридор, в конце которого стоял его приятель, следивший, чтобы никто ему не помешал. Тот знаком показал ему, что муж все еще танцует. Монах, который не до конца еще утолил свое вожделение, вернулся к молодой женщине и покинул ее только тогда, когда друг дал ему знать, что пора уйти. Муж улегся в постель, и тогда жена его, которую монах до того уже замучил, что ей хотелось только поскорее уснуть, не удержалась и сказала:

– Ты что же, решил, должно быть, совсем не спать и измываться надо мной всю ночь?

Ее ни в чем не повинный муж, который только что лег, до крайности поразился и спросил ее, как он мог над ней измываться, если он все время был на танцах.

– Нечего сказать, хороши танцы, – воскликнула бедная женщина. – Ты уже третий раз являешься сюда и ложишься ко мне в постель. По-моему, тебе бы уж лучше спать.

Услышав эти речи, муж ее был так изумлен, что забыл обо всем на свете и решил во что бы то ни стало узнать, что это все означает. Когда же она рассказала, что с нею было, он догадался, что это проделки одного из монахов, остановившихся на этом постоялом дворе. Он тут же вскочил с постели и кинулся в их комнату, которая была рядом. Увидав, что там никого нет, он принялся так громко кричать и звать на помощь, что все его друзья тут же сбежались. Узнав, в чем дело, они захватили свечи, фонари и, собрав всех собак, какие только были в деревне, стали помогать ему искать францисканцев. И когда оказалось, что в доме их нигде нет, они принялись разыскивать беглецов повсюду и обнаружили их в винограднике. Там-то они уж и расправились с монахами так, как те заслужили; исколотив их, они отрезали им руки и ноги и оставили их на винограднике под охраной Вакха и Венеры, ибо их настоящими учителями были именно они, а отнюдь не святой Франциск.

– Не удивляйтесь, благородные дамы, что люди эти, отрешившись от жизни, которой живем мы все, совершают поступки, которых разбойники с большой дороги – и те бы постыдились. Удивляться надо тому, что они не поступают еще хуже, когда господь оставляет их, ибо, если человек носит рясу, это не значит еще, что он настоящий монах, и нередко гордыня может погубить всю их святость. Что же касается меня, то я хочу следовать завету святого Иакова:³⁶⁵ устремить сердце свое к господу, хранить его чистым и незапятнанным и всеми силами помогать ближнему.

– Господи! – воскликнула Уазиль. – Неужели же мы никогда не кончим говорить об этих противных францисканцах!

– Уж если мы не щадим ни знатных дам, ни дворян, ни принцев, – ответила Эннасюита, – то, мне кажется, мы оказываем францисканцам большую честь тем, что все-таки снисходим до того, чтобы говорить о них. Ведь сами по себе это настолько никчемные и бесполезные люди, что, ли бы они не сотворили никакого зла, о котором стоило бы вспомнить, о них вообще было бы нечего рассказать. Говорят же, что лучше уж совершить дурной поступок, чем вообще не совершить никакого. А чем разнообразнее будет наш букет новелл, тем он будет прекраснее.

– Если вы обещаете мне, что на меня не рассердитесь, – сказал Иركان, – я расскажу вам историю одной знатной дамы, которая оказалась такою распутницей, что вы легко простите бедному

³⁶⁵ Ссылка на Послание апостола Иакова (I, 27): «Чистое и непорочное благочестие перед богом и отцом есть то, чтобы призирать сирот и вдов в их скорбях и хранить себя неоскверненным от мира».